

АЛЕНА АМУРСКАЯ

АЛЁНУШКА
БОССА *для*

Алёна Амурская

Алёнушка для босса

<https://litres.ru/74221029>

Аннотация

Я - Алёна, обыкновенная мать-одиночка. До недавнего времени я работала бухгалтером в рекламно-издательской конторе босса - невероятно харизматичного остроумного красавчика, которому на днях мой младший брат Ванька дважды разбил дорогую машину. Но по какой-то причине босс не требует компенсации ущерба, а меня назначил помощницей. В чем же причина его лояльности, если мы с ним знакомы всего ничего? А может, причина кроется в моих фотографиях, случайно обнаруженных в его кабинете? Что ж, я разгадаю эту загадку, босс!

История о третьем Боссе, ч.2. По мотивам сказки об Алёнушке
1-я часть Алёнушки

Содержание

12 лет назад. Мой школьный сталкер	4
Глава 1. Фокусник в зелёной рубашке	18
Глава 2. Пицца-многоэтажка	25
Глава 3. На поводу чувств	31
Глава 4. В руках босса	38
Глава 5. Нежданчик	47
Глава 6. Елена Прекрасная	55
Глава 7. Суета и беспокойство	62
Глава 8. Страсти по боссу	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

12 лет назад. Мой школьный сталкер

Это вторая часть дилогии. Первая часть здесь: <https://litnet.com/ru/reader/boss-dlya-alenushki-b409955?c=4470585&p=1>



- Алёнка! Алён!

- Что? - я непонимающе оглядываюсь на свою подружку-одноклассницу Таньку и перехватываю увесистую сумку с учебниками другой рукой.

- Иди помедленнее давай. Притормози.

- Зачем?

- Он снова идёт за нами! Тот симпатичный молчун-новичок из девятого В. Хочу убедиться, что права. Теперь ты тоже скажешь, что мне показалось?

Я оглядываюсь.

Действительно, мальчишка, о котором говорит Танька, идёт за нами по аллее, как и несколько других прохожих. На нем черная куртка поверх школьной формы и надвинутая на глаза темно-зеленая бейсболка с сильно затемняющим козырьком, из-за которого совершенно невозможно рассмотреть черты лица.

- Тань, он просто возвращается из школы домой, сколько

раз тебе повторять! - отмахиваюсь сконфуженно.

Почему-то мысль о том, что какой-то мальчик постоянно провожает именно нас, невероятно смущает. Это же что-то из мира взрослых и совсем не про нас, совсем юных девочек, которые до сих пор тайком играют в куклы.

- А давай свернем сейчас неожиданно за угол и обойдем твой дом с другой стороны? - предлагает Танька. - С той, куда он никогда не сворачивает. Там же тупик.

- Ну давай, - соглашаюсь я, чтобы она отстала уже со своими домыслами. Тем более, что мне все равно, с какой стороны идти к своему подъезду, потому что он располагается в самом центре здания.

Дружно сворачиваем за угол на неспешной скорости. Но как только мы исчезаем из поля зрения нашего гипотетического «проводальщика», Танька хватает меня за руку и резво тащит в сторону густого кустарника, окаймляющего двор. И уже там, под прикрытием раскидистой сирени, прикладывает палец к губам и кивает в сторону только что покинутого угла дома.

Я скептически смотрю в просвет между желтовато-осенними листьями. Ерунда какая-то. Зачем мальчишке идти за нами в тупик? Нет, он точно не появится...

И всё же я ошибаюсь.

Когда я собираюсь сказать Таньке, что устала уже по-дурачки пастись в кустах и хочу домой, тёмно-зеленая бейсболка снова попадает в поле нашего зрения. Хоть и со зна-

чительной задержкой.

- Смотри! - с увлечением шепчет подружка.

Мальчишка на несколько мгновений застывает возле торца дома, оглядывая двор. А потом неторопливо идёт дальше... пока не останавливается прямо напротив моего подъезда. Он поднимает голову к окнам верхних этажей и довольно долго стоит так, сунув руки в карманы строгих форменных брюк.

Потом разворачивается, но не уходит, а садится на скамейку возле соседнего подъезда и утыкается в свой мобильник. Первая мысль - просматривает соцсети. Так ведь многие делают, когда чего-то или кого-то... ждут.

Мы с Танькой одновременно поворачиваемся друг к другу, удивленные маленьким открытием, и она вдруг начинает тихо хихикать.

- Алёнка... По ходу он из-за тебя нас провожает постоянно.

- Совпадение, может, - продолжаю отстаивать свою версию, сгорая от смущения.

- Конечно! - с видом насмешливого озарения восклицает подружка. - На твои окна он так долго пялился, потому что хотел тщательно посчитать пролетающих в небе ворон и ни одной не упустить.

- Да ладно тебе, Тань, мало ли по какой причине он это делает. Ты ещё забываешь, что в этом доме живу не только я. Может, у него вообще знакомый тут. Или лучший друг. А

уже целый бразильский сериал придумала на пустом месте... - убеждая и саму себя в этом, я тщательно заталкиваю смущение поглубже и вздыхаю. - Ладно, поиграли в шпионов, и хватит. Я домой пойду. У нас такой аврал с тех пор, как братик на свет появился... надо маму выручить. Она и так по ночам не высыпается.

- Зубки у Ваньки режутся, да? - догадывается подружка. У нее тоже с младшей сестренкой разница в возрасте большая, и в свое время она натерпелась на пару с родителями от младенческого грудничкового периода. - Сочувствую. Это надолго. А потом, будь уверена, тебя назначат для братца главной нянькой, и фиг отвертишься!

- Ну и ладно, - пожимаю плечами. - Я и сама хочу маме помочь. А с Ванькой бывает весело. Он такой забавный, когда не орёт...

Мы с ней выбираемся из кустов сирени в обход двора, а затем расходимся, как будто нигде и не прятались. Я направляюсь к своему подъезду через двор и снова чувствую дурацкое смущение. Мальчишка в темно-зелёной бейсболке ведь по-прежнему сидит на скамейке... Правда, на меня он совершенно внимания не обращает. И похоже, что гораздо больше его интересует собственный мобильник, чем какая-то Алёна Клёнова.

Так что ошибается Танька, сто процентов.

Успокоив себя этой мыслью, я выкидываю мальчишку из головы и шагаю уже не так торопливо. Но расслабленность

играет со мной дурную шутку.

Из крайнего подъезда прямо на меня выскакивает целая компания подростков-старшекласников, которых я терпеть не могу. Агрессивные они очень и задиристые. Словом, типичные школьные хулиганы. И один из них - Пашка, кажется, - из неблагополучной семьи с папашей-зэком живёт тут по соседству. Вот его школьные приятели и ходят к нему постоянно всей гурьбой тусоваться. То кино у него смотрят, то в игры компьютерные играют... а родителям, видимо, плевать, чем их сын занят, лишь бы не путался под ногами.

Обычно я всегда предусмотрительно хожу мимо этого подъезда, и если оттуда кто-то выходит, то выжидаю в стороне, а то и сворачиваю на отдаленную детскую площадку к мамочкам с детьми. Но, увы, сегодня инцидент с прятками в кустах лишил меня обычной внимательности.

Я прибавляю шаг, но самый главный задира этой компаши - Борька из десятого Бэ, - преграждает мне дорогу.

- Ути-пути, кто тут у нас идёт? Алёнка кленовая, малолетка зелёная!

Они меня всегда так обзывают. И спорить с ними - себе дороже. Поэтому я втягиваю голову в плечи и молча делаю шаг вправо, чтобы обойти препятствие.

Борька мгновенно повторяет движение, вырастая на пути, а его приятели издевательски гогочут, окружив меня полукольцом. И во дворе, как назло, никого сейчас больше нет, кроме залетного чужого мальчишки в зелёной бейсболке.

- Пропусти, - сердито говорю я.

Но мой подрагивающий от волнения голос звучит не очень убедительно, и хулиганская шайка подмечает это сразу же. Эти мальчишки похожи на шакала Табаки из моей любимой книжки про Маугли - они всегда стремятся напасть и укусить того, кто гарантированно слабее них.

Борька чует мою неуверенность и скалится во весь рот, собираясь всласть поглумиться, как обычно, прежде чем отпустить... но тут за его спиной раздается жёсткое:

- Отвали от нее, ушлёпок. Быстро.

Голос наполнен таким презрением, силой и наглой уверенностью в действенности своих слов, что даже я, будучи совсем еще ребенком по сути, распознаю в нем самую настоящую альфа-самцовость. Как будто мимо проходил молодой Акела из той же книжки и зарычал на распоясавшихся шапок.

Мальчишки, окружившие меня, мгновенно оборачиваются и подбираются: вижу напряжённые спины, инстинктивно вжавшиеся в плечи головы... а глумливые улыбочки на физиономиях как корова языком слизнула.

Перед нами стоит мой «проводжатор».

Он чуть вскидывает подбородок, и тень от бейсболки ненадолго отступает, показывая красивые черты лица. Они пока по-мальчишески сглаженные, но с уже с проступающей сквозь них мужественностью. Когда-нибудь в будущем это лицо приобретет резкую угловатость и четкость, свойствен-

ную взрослым brutальным мужчинам... и тогда эти ясные серо-голубые глаза начнут разбивать женские сердца направо и налево.

Борька пару мгновений бодается с ним взглядом, а затем дёргает щекой, сбрасывая ступор, и зло спрашивает:

- Ты кто такой вообще, говорун борзый? Рыло давно не чистили?

- Захлопнись, - отвечает мальчишка, начиная с невозмутимой демонстративностью разминать костяшки пальцев, а мне спокойно командует: - Топай домой.

Свой приказ он сопровождает кивком в сторону моего подъезда. Я послушно делаю шаг к нему, замороженная повелительной хрипотцой мальчишеского ломко-низкого голоса. Тембр у него ещё не сбалансировался, как это бывает у подростков, и оттого кажется невероятно будоражащим.

Мое пока ещё детское сердечко в груди ускоряет свое бие. Я восхищена, испугана и сконфужена происходящим одновременно. Никто и никогда ещё вот так пугающе напористо не вступался за меня.

Какой же он классный! Хочу найти в себе такую же уверенную смелость, как у него... и не могу. Поэтому робко прячу глаза и делаю ещё два шага в сторону своего подъезда.

Рывок за волосы, заплетённые в косичку, ощущается как удар по голове.

- Ой! - вскрикиваю, хватаясь за свой затылок. Кожа там из-за резко натянутых корней волос горит, как ошпаренная

кипятком воды, а на глаза непроизвольно набегают слёзы.

Оглядываюсь и затуманенным от боли зрением вижу... своего одноклассника Сергея! Одного из самых младших участников этой взрослой шайки хулиганов. Он настолько безбашенный, что у многих в нашем классе иногда возникают сомнения в его адекватности.

- Тебя еще никуда не отпускали, Клёнова!

Чувствую, как он наматывает кончик моей косички на руку, и унизительно выгибаюсь назад. Ещё немного - и зареву от боли и отчаяния в голос, но тут руку обидчика перехватывает другая рука. Более сильная. Более уверенная.

Мальчишка в тёмно-зелёной бейсболке сжимает запястье Сергея до тех пор, пока тот, морщась, не освобождает мои волосы от своих пальцев.

- Иди домой... Алёна, - с нажимом повторяет мой защитник и обводит вызывающим взглядом всю компанию. - А если кто-то тебя попробует остановить, то пожалеет.

Возмущенный ропот задетых за живое плохишей заставляет меня напрячься в плохом предчувствии. Их много, а мальчишка в единственном числе. И эта мысль приходит в голову не мне одной.

- В самом деле, Клёнова, шла бы ты отсюда, - подаёт вдруг голос Борька, не сводя сощуренных глаз с мальчишки, - нам тут без сопливых надо разобраться с особо борзым элементом. Ещё зашибем тебя ненароком, если под ногами путаться начнешь... - и добавляет с коротким злым смешком: - Так

что оставим наше с тобой маленькое развлечение на потом. Ты ведь не против?

Страшно.

От его слов мне становится так страшно, что я ощущаю в коленях противную мелкую дрожь. А язык и вовсе кажется онемевшим. Бросаю беспомощно-панический взгляд на мальчишку в зелёной бейсболке, но тот на удивление уверен в себе и собран. Даже подтверждает кивком, что я могу спокойно идти домой.

Поколебавшись, я припускаю к собственному подъезду чуть ли не бегом. Сердце в груди колотится адреналиновым там-тамом, а от испарины дикого напряжения мне неприятно и холодно.

Надо срочно рассказать обо всем родителям! Может, папа что-то придумает.... А может, позвать на помощь участкового, который живёт в крайнем подъезде соседнего дома, совсем неподалеку?

Когда я вбегаю в прихожую и зову родителей, ко мне из спальни выходит только бабушка.

- Ты чего шумишь, Алёнушка? Папа с мамой сейчас с Ванькой у педиатра. И велели передать, чтобы ты вещи собрала на выходные. Сегодня четверг, а вечером в пятницу к тете Вере поедете в гости. Не забудь взять свою...

- Бабуль, там... там на улице драка! - перебиваю я ее, чуть отдышавшись. - Один мальчик, в зелёной такой бейсболке, заступился за меня перед хулиганами, и теперь его будут

бить!

Не дожидаясь реакции бабушки, мчусь прямо в уличных ботинках к окну на кухню и буквально прилипаю к стеклу.

Картина снаружи уже совсем другая.

Вместо напряжённо замерших фигур там буйствует самая настоящая бешеная потасовка с кулаками, криками и шокированными прохожими, которые успели откуда-то набежать в наш двор.

Но мальчишка, которого я ожидаю увидеть поверженным таким-то количеством противников, стойко держится. Более того, даже мне, впервые наблюдающей настоящую драку вживую, заметно, что хулиганская компания подростков робеет перед ним. То ли он заставил их устрашиться боли безжалостно умелыми ударами, то ли присутствие взрослых прохожих умерило их гонор... но никто, кроме Борьки и Сергея, не дерётся по-настоящему. Все остальные либо орут, либо втихаря пятятся за угол дома или в подъезд, чтобы скрыться.

В какой-то момент, я подмечаю, что драка ненадолго прерывается.

Борька стоит с какой-то похабно-мерзкой ухмылочкой, а мой одноклассник что-то тихо говорит мальчишке. Тот молча слушает. Но затем так резко замахивается на него, что Сергей еле успевает увернуться и пятится, постоянно выкрикивая что-то. То ли ругательства, то ли издёвки, в которых то и дело слышится моя фамилия.

- А ну прекратили быстро! - раздается громогласный голос Семёна Петровича, нашего участкового.

Понятно, кто-то тоже вовремя вспомнил о нем и успел уже вызвать при первых же признаках подросткового конфликта. Это у жильцов квартир с окнами во двор дело быстрое.

- Его бить будут, говоришь? - неодобрительно тянет бабушка над моей головой.

В этот самый момент мальчишка толкает моего одноклассника Сергея в сторону с такой силой, что тот врывается в лавочку и переворачивает ее. А Борька наносит удар мальчишке в спину, вырвав у меня испуганное:

- Ой, мамочки...

- Пока я вижу только, что это он бил того, кто его младше, - настаивает на своем бабушка. - А значит, и того, кто слабее.

Это замечание искренне возмущает меня.

- Бабуль, там Борька все первый начал, и он почти взрослый уже! А Сергей всегда сам нарывался на неприятности и лезет к другим, он же псих и...

- Насилие всегда порождает насилие, - прерывает меня бабушка. - Запомни это, и не спорь со старшими.

Мысленно я отказываюсь думать о своем защитнике в таком осуждающем ключе. Поджимаю губы и слежу, как участковый разнимает дерущихся. Но упавший за лавочкой Сергей так и лежит там, и у меня от его неподвижности бегут мурашки.

- Охохонюшки! - тревожится бабушка и поправляет очки,

шурясь на улицу. - Беда, что ли, стряслась?

Всё дальнейшее - приезд скорой помощи, столпотворение во дворе, - проходит мимо меня. Участковый уводит мальчишку с собой. Я пытаюсь выйти ещё в самом начале, пока они не ушли, чтобы рассказать Семёну Петровичу свою точку зрения, но бабушка запрещает строго-настрого ввязываться в чужие неприятности. Даже в качестве свидетельницы.

- Ни к чему нам слухи о том, что из-за тебя мальчик пострадал, Алёна, - хмурится она. - Соседи косо смотреть начнут. Да и ничем ты там не поможешь, без тебя разберутся!

Сплю я в эту ночь плохо, всё думаю о мальчишке в зелёной бейсболке - как он там, что с ним теперь будет. Это ведь всё из-за меня случилось!

В школу иду очень подавленная, и даже то, что это последний день недели, пятница, совсем не радует. И Танька на большой перемене ввергает меня в полное уныние скандальной новостью.

- Я тут такое узнала о твоём сталкере, Алён... закачаешься!

- Ну и что ты узнала? - откликаюсь тоскливо.

- Этот тип - полный отморозок! - с восторженным ужасом заявляет она. - Осторожней с ним будь. Оказывается, его перевели в восьмой В к нам по просьбе мэра... потому что мамаша твоего сталкера - женщина очень лёгкого поведения! Говорят, самая настоящая профессиональная подстилка, а

мэра уже давно подцепила. И сын у нее неуправляемый. Подозревают даже, что он нарик, прикинь?! Это я сегодня подслушала возле кабинета завуча, когда во время урока в туалет отпросилась. Наши училки все это на повышенных тонах обсуждали.

- Нарик? - потрясенно повторяю я. - Не может быть! Он показался мне совершенно нормальным. Мы же были с тобой на конференции по защите подрастающего поколения! Там рассказывали о признаках... ну чтоб определить, если кто-то вдруг подсел на какую-нибудь гадость...

- Ой, Алён, такие инструкции не всегда срабатывают, они общую картину показывают. А тут частный случай, может быть. Словом, с такими сомнительными типами лучше не связываться... Кстати! Твоя бабушка мне звонила, беспокоилась.

- Зачем звонила? - не понимаю я.

- Ну, она расспрашивала насчёт твоего сталкера. Я ей тоже рассказала то, что от учителей услышала, ты уж извини. Это уже не шутки, если тебя постоянно от школы какой-то нарик выслеживает. Да ещё и нашего одноклассника до больницы довел...

А когда наша классная руководительница объявляет, что Сергей попал в больницу с сотрясением головы по вине «новичка-старшеклассника с очень дурными наклонностями» [*], моё настроение совсем скатывается в минор. Потому что чувство вины - страшная вещь, и я могу только презирать

саму себя... Презирать и стыдиться того, что не могу заставить себя встать и заявить на весь класс свой протест.

Сам мальчишка, которого теперь все вокруг в чем только не обвиняют, в этот день в школе так и не появляется. А вечером мне становится уже всё равно.

...потому что в пятничный вечер той страшной осени, когда мне было всего тринадцать лет, погибают мои родители.

А я с тех самых пор не могу ездить на переднем сиденье рядом с водительским креслом [**].

—
[*] Именно об этой истории с дракой героя говорит Боярке в первой части дилогии «Босс для Алёнушки» (глава 16. Новый понаезд брата Ваньки >>> <https://litnet.com/ru/reader/boss-dlya-alenushki-b409955?c=4571843&p=1>)

[**] Фобия упоминается в первой части дилогии (глава 8. Лучшее средство от хандры и страхов >>> <https://litnet.com/ru/reader/boss-dlya-alenushki-b409955?c=4496583&p=1>)

Глава 1. Фокусник в зелёной рубашке

Бояров появляется в дверях кабинета с неизменной лукавой усмешкой на своих красивых губах.

Яркие серо-голубые глаза, как обычно, поблескивают плутоватым азартом, как у мартовского кота, планирующего хорошенько полакомиться сметаной. И рубашка на нем... - та самая заветная рубашка, на которую Алиса сейчас таращится с изумлённым восхищением, - приятного тёмно-зелёного цвета.

Возможно, мой босс и раньше носил при мне эту самую рубашку, поскольку весьма тяготеет к подобному гармоничному оттенку. Но я не обращала на его одежду внимания, потому что на нём всегда был пиджак. А сейчас его нет. То ли по случаю выходных, то ли ещё по какой причине Бояров явился к себе в кабинет в костюмных черных брюках и стильной жилетке в тон поверх пресловутой зелёной рубашки.

После недавнего школьного дежавю меня так и подмывает уставиться на него так же ошеломленно, как и моя дочка. Только не восхищённо, а в полнейшем смятении.

Надо бы с ним поздороваться, ведь он мой начальник как-никак, но язык кажется онемевшим. Никак не могу заставить

себя назвать ныне беззаботного Боярова - некогда агрессивного защитника-мальчишку из моего детства, - по имени-отчеству.

К моему счастью, он решает заговорить первым.

- Привет, Алёнка, - бросает небрежно и переводит взгляд на мою взволнованную малышку. - А как зовут эту маленькую синеглазую феечку?

- Я Алиса! - радостно представляется она, не сводя с него глаз. - А ты - фокусник?! Ты фокусник в зелёной йубашке?

Вопрос заставляет Боярова немного подвиснуть в раздумьи, но это у него быстро проходит. По-видимому, никакого особого значения он ему не придает, потому что весело подмигивает девочке.

- Как ты догадалась? А ну-ка, посмотри, что у меня есть.

Он достаёт из кармана брюк горсть маленьких цилиндрических предметов вперемешку с... конфетами. В ярких обертках.

Я изумлённо моргаю.

Мистика какая-то. Что за странное совпадение? Почему мой босс чудным, каким-то мультяшным образом таскает в карманах брюк так много конфет, когда в мире существуют пакетики и прочие упаковки? Да ещё и вместе с детскими хлопушками конфетти... кажется.

Впрочем, непонятность сразу же проясняется, когда Бояров вытягивает из карманов два блестящих сувенирных пакетика из тонкого целлофана с золотистой фольгой. У обоих

разошлись хлипкие швы по краям.

- Вот и бери после такого всякий ширпотреб, когда торопишься [*], - со смешком сообщает он моей восторженной дочке. - Но ведь эти штуки нам и не нужны, верно? Главное - вот это...

И он дёргает один из крошечных цилиндриков за верёвочный хвостик.

Бах!

Взрыв мелких бумажных конфетти осыпает меня разноцветным дождем и оседает на волосах. Несколько штук залетает в приоткрытый рот, и это заставляет меня очнуться. Молча выплевываю их и смотрю, как Алиса прыгает вокруг Боярова, стараясь поймать в широко раскрытые ладошки яркие точки цветной бумаги.

Да уж.

В другое время меня бы охватило резонное беспокойство... Именно насчёт увлечения «зеленым фокусником» Бояровым, которое возникло у моей малышки не только феерически быстро, но ещё и на голом месте. Каково будет ее разочарование, когда она поймет, что никакой папа-фокусник в лице моего босса ей не светит..?

Но не сейчас.

Сейчас я всего лишь потерянно смотрю на Боярова, развлекающего мою дочь хлопушками и конфетами... а вижу совсем другого... нет, тоже его, Боярова, но очень юного, много лет назад. Того самого мальчишку, который из-за меня поте-

рял осторожность и навлек на свою голову большие неприятности.

После того дня, когда на всю школу разразился скандал из-за моего «провождальщика-сталкера» и пострадавшего от его руки хулигана-одноклассника Сергея, я больше не интересовалась подробностями неприятной истории. Слишком резко закончилось мое детство тем же вечером вместе с гибелью родителей в автокатастрофе. Мы с Ванькой выжили чудом, и бабушка спешно отправила нас к своей троюродной родне в соседнюю область пережить самые страшные первые дни подальше от взрослых хлопот.

А потом были похороны и долгий год затяжной депрессии.

Я снова начала ходить в школу после месяца траура и чувствовала себя в каком-то социальном вакууме. Никто при мне не упоминал о трагедии по настоятельной просьбе бабушки, донесенной всем ученикам через классных руководителей. И сама я избегала с кем-то общаться - даже со своей подружкой-одноклассницей.

Одна с маленьким Ванькой бабушка справлялась тяжело, и постепенно часть ее забот перелегла на меня. Я не возражала. Безропотно выполняла всё, о чем она меня просила, и почти не вникала в суть...

Сейчас я смутно припоминаю, как однажды бабушка сообщила: в школу вернулся тот мальчишка, который подрался из-за меня с шайкой хулиганов.

«Он спрашивал тебя, когда ты пошла забирать Ваньку из

садика, - с плохо скрытым неудовольствием проворчала она тогда. - Ты ведь слышала, что о нем говорят? Дурные склонности! Так что я ему велела больше к нам не приходить. Сказала, что моя девочка не хочет общаться с наркоманом.»

Мне было всё равно, о ком она говорит. Я не хотела вспоминать тот день, когда случилась и драка, и автокатастрофа, поэтому ушла в себя настолько, насколько это было возможно. Наглухо закрылась от внешнего мира и предпочитала не вариться в собственных мыслях, а читать книги, делать уроки или смотреть бесконечные сериалы. Просто чтобы не думать ни о чем.

Кажется, несколько раз мальчишка подходил ко мне на переменах, стараясь завязать разговор, но я бросала холодное «Привет» и быстро уходила, избегая любого общения. Или даже вовсе ничего не отвечала. А на следующий год в нашей школе его уже не было [**].

- Ну и бардак мы тут с тобой развели, Алиса, - возвращает меня в реальность низкий смешок Боярова. - Превратили мой кабинет в настоящую страну чудес.

Рабочая обстановка от взорванных детских хлопушек и правда пострадала. Разноцветная россыпь конфетти валяется повсюду, покрывая все доступные поверхности - стол, кресло, стулья и кожаный диван для отдыха. А пол так вообще выглядит так, будто здесь не серьезное заведение, а зал для новогоднего утренника в детском садике...

Может, оно и к лучшему!

Потому что я слишком спешно собирала разлетевшиеся по полу фотки, на которых тут и там проглядывало мое собственное юное лицо. И когда заталкивала их в ящик вместе с фотоальбомом, могла что-то сдвинуть или задеть на столе у босса. Зато теперь, в таком мусорно-праздничном бардаке любой почти любой мелкий косяк нарушенного прежнего порядка наверняка останется незамеченным.

- Байдак - это плохо, - немного скучнеет моя дочка и осторожно косится на Боярова. - Сейчас будем делать убойку?

- Нет, уборку мы делать не будем. Лучше мы сейчас пиццу поедим. Хочешь?

- Да! - следует мгновенный ответ, приправленный изрядным энтузиазмом. Ну ещё бы, лакомиться пиццей всегда приятней, чем наводить порядок. Особенно ребенку.

Бояров подмигивает ей, переводит на меня внимательный взгляд... и прищуривается, как будто чувствует что-то неладное.

- Алёна.

- Что? - беспомощно откликаюсь я и спешу опустить ресницы. Только бы не разгадал, какие эмоции меня терзают.

- Что-то случилось?

- Просто настроение не очень, - я неопределенно пожимаю плечами, но весь эффект моей нарочито небрежной фразы сводит на нет Алиса.

- Случилось! - громко заявляет она боссу.

- И что же это?

У меня сердце уходит в пятки. Сейчас малышка с детской

прямолинейностью ляпнет, что мы смотрели фотоальбом из ящика его стола, и тогда...

Но ответ дочки меня огорошивает.

- Случился дядя! Он маму соблазнил женить.

!Осторожно, в тексте по ссылкам ниже могут быть спойлеры. Не переходите по ним, если читаете книгу первый раз.

[] О том, при каких обстоятельствах Бояров приобрел хлопушки и конфеты в хлипкой упаковке, читайте в книге «Гадкий утёнок для босса» (Глава 19. Боярка-дипломат >>> <https://litnet.com/ru/reader/gadkii-utenok-dlya-bossa-b412867?c=4657047&p=1>)*

*[**] Об этой истории рассказывает в своей манере и сам Бояров также в книге «Гадкий утёнок для босса» (Глава 20. Детство, омраченное пороком >>> <https://litnet.com/ru/reader/gadkii-utenok-dlya-bossa-b412867?c=4657040&p=1>)*

Глава 2. Пицца-многоэтажка

Впервые в жизни я радуюсь дочкиной болтливости при посторонних.

Наверное, заявившийся сегодня утром в гости Красавин произвел на нее гораздо больше впечатления своей руганью из-за расплескавшегося чая, чем какой-то старый фотоальбом в плохо запертом ящике. Вот она и сболтнула то, что ее взволновало по-настоящему.

Босс одно мгновение осмысливает слова моей непосредственной малышки, а затем коротко и непринуждённо смеётся.

- Собрался женить маму? Забавно... А я думал, что женить могут только самих дядей.

И всё же мне чудится в его низком беззаботном смехе тень мрачного напряжения.

Интересно... а сохранился ли у Боярова тот настойчивый личный интерес из нашего школьного прошлого ко мне? Хотя бы ностальгический?... То, что он узнал меня в тот вечер, когда Ванька первый раз повредил его дорогуший внедорожник на парковке, теперь сомнений не вызывает. Иначе откуда такая лояльность к нам?

Да и очнувшись из долгой спячки женская интуиция то и дело сладко и опасно нашёптывает сомневающемуся сознанию: *это из-за тебя... это только ради тебя...*

Усилием воли выбрасываю из мыслей эту навязчивую иллюзию. Как бы там ни было, Бояров - не такой мужчина, чтобы долгие годы хранить нежные чувства к девчонке, с которой толком и не общался.

- Дядя сказал, что он мой папа, - продолжает с упоением делиться Алиса, мгновенно уловив своим детским чутьем высокую заинтересованность собеседника. - Но он влун и дулак! Потому что мой папа - это...

- Василий Андреевич! - торопливо перебиваю я дочку, которая уже на полном серьёзе собралась «порадовать» моего босса неожиданным отцовством. - Может, мы перекусим и приступим к работе? Мне бы не хотелось задерживаться в офисе допоздна.

Бояров задумчиво рассматривает меня.

- Твое рабочее рвение воодушевляет, - комментирует он, а затем сообщает Алисе: - Твоя мама - настоящая трудолюбивая пчёлка, ты в курсе? Давай порадуем ее, а то если мы не дадим ей поработать, то она меня покусает. Выручай, феечка!

- Мама не кусается, - возражает малышка, но охотно позволяет себя усадить на кожаный диванчик. - У нее нет жала!

- Да ты что! - картинно изумляется Бояров и подсовывает ей книжку-раскраску, которая уже лежит на столике вместе с цветными карандашами и фломастерами. - А я думал, что есть.

Он выгребает из карманов разноцветные конфеты-ассор-

ти и горкой кладет рядом с раскраской. Затем, словно игрушечную крышу, водружает сверху разошедшуюся по краю блестящую упаковку.

- Это тебе. Если мама разрешит.

- Разрешит, - нехотя подтверждаю я, выбирая из двух зол меньшее. Иначе не миновать затяжных капризов, которые долго придется успокаивать. - Только...

- Только не ешь, пока пиццу не принесут, - поражает меня Бояров мгновенным пониманием с полуслова. - А то в животе места для нее не хватит.

- Неть, у меня хватит! - хихикает малышка.

- А я сказал, что не хватит, - легонько щелкает ее по носу босс. - И не спорь. Я лучше знаю.

Жду, что Алиса сейчас, как обычно, начнет слёзно канючить сладости - ведь конфеты-то вот они, перед самым ее носом, разве можно нетерпеливому ребёнку устоять? Но ничего подобного не происходит. Она вздыхает, смотрит на яркую блестящую горку, переводит взгляд на «зелёного фокусника»... потом снова на конфеты... и с очередным тяжёлым вздохом кивает.

Мое потрясение таким беспрекословным послушанием сложно, очень сложно передать словами. Честно говоря, я вообще в лёгком шоке.

Из ступора меня выводит стук в дверь кабинета.

- Василий Андреевич... - в дверях показывается почтительный воскресный охранник с большущей плоской короб-

кой в руках. - Ваша пицца! Индивидуальный набор ингредиентов по семейному варианту, как заказывали.

Пока я размышляю над тем, что означает характеристика пиццы «по семейному варианту», босс кивает охраннику и забирает увесистую коробку.

- А теперь внимание! Такой пиццы вы ещё не видели, - объявляет он и жестом действительно, как у фокусника, откидывает картонную крышку. - Знаете, как называется?

- Как? - Алиса заворуженно заглядывает внутрь и широко распахивает глаза. - Ух ты, что это? Домик?!

- Это «Семь Я», детка! Многоуровневая пицца-ассорти. В ней семь слоев с начинкой на любой вкус. Даже самый привередливый.

Вкусно-горячий запах свежей выпечки с примесью самых разнообразных оттенков мгновенно распространяется по всему кабинету. И у меня сразу слюнки набегают, хотя после завтрака прошло не так уж и много времени. Подхожу поближе, чтобы разглядеть необычную пиццу... и мое скептическое любопытство при первом же взгляде превращается в исследовательско-гастрономическое.

Я слышала о новомодных пиццах-многоэтажках, но они меня не очень впечатляли. Обычные слоёные пироги, если называть вещи своими именами. А тут реально совсем другое. Теперь становится понятно, почему коробка у пиццы выглядит такой объемной...

Внутри - самое настоящее произведение кулинарно-стро-

ительного искусства!

Это семь разных видов пицц на плотных, идеально пропечённых коржах. Причем каждый из коржей соединён с другим не менее хорошо пропеченными столбиками. Какой начинки только тут нет! Вижу сырную, вегетарианскую, грибную, ветчинную, рыбную, с морепродуктами, с ананасами...

Кстати, непонятно, как это сооружение держится посередине, ведь диаметр пиццы отнюдь не назовешь скромным.

- Там тонкий каркас из проволоки с пищевым покрытием, - хмыкает Бояров в ответ на мой невысказанный вопрос. - Если хочешь, можешь даже пощупать.

Я инстинктивно выпрямляюсь.

Должно быть, он заметил, с каким вниманием я стараюсь изучить конструкцию его семиэтажной пиццы. Ерунда, казалось бы, но от пристально-насмешливого взгляда босса меня охватывает воистину подростковая неловкость. Как будто воспоминание о нашем с ним давнем знакомстве воскресило во мне ту юную наивную девчонку с кучей типичных для того возраста комплексов.

К собственной досаде, я даже начинаю краснеть от его внимания и торопливо отворачиваюсь. Щеки горят так, что ещё немного - и обуглятся.

- Нет, спасибо...

- Давайте кушать! - спасает меня малышка нетерпеливым возгласом.

Бояров ещё целое мучительное мгновение пристально

смотрит на меня. Хотя я и отвернулась от него, но чувствую это всей своей пылающей кожей... а потом слышу, как он с небрежным весельем заявляет:

- Тебе с какой начинкой, феечка? Выбирай первая.

Глава 3. На поводу чувств

Следующие полчаса мы сидим втроём на кожаном диване и лакомимся необычной пищей, словно самая настоящая семья. От неловкости у меня кусок в горло не лезет, хотя сырную пиццу я очень уважаю. Зато Алиса счастлива. Она завладела всем вниманием моего босса и хочет попробовать каждый уровень съедобной семиэтажной конструкции! А он ей в этом потакает всю.

Со стороны всё выглядит очень позитивно: малышка, едва научившаяся говорить, лепечет команды, а взрослый, потрясающе привлекательный мужчина выполняет все ее распоряжения, как заправский официант. Если, конечно, среди официантов бывают такие откровенно забавляющиеся своим занятием юмористы...

Но мне становится грустно.

Я же вижу, как дочка на моих глазах влипает в паутину бояровского обаяния. Как с каждой секундой все больше связывает свою выдумку с воплотившим ее внешние черты человеком. Что же мне со всем этим теперь делать..? Как быть? Как выпутаться без потерь?

Сижу. Жую свой кусок пиццы в невеселых раздумьях.

- У тебя щека в соусе испачкалась, - говорит вдруг Бояров совсем рядом очень тихим и каким-то проникновенным голосом.

Вздвогнув, поднимаю на него глаза.

Он близко... так близко, что наклонись я ещё немного вперед, то губами могла бы коснуться его подбородка.

В ответ на его замечание инстинктивно вскидываю руку вверх, чтобы вытереть щеку, но Бояров зачем-то перехватывает ее на лету.

- Не стоит пачкать пальцы, - говорит он всё так же смущающе тихо. - Для этого есть салфетки.

Меня охватывает неизъяснимый паралич от его действий. Не могу даже слова вымолвить и просто смотрю в красивое, всегда чуточку насмешливое лицо Боярова, пока он тщательно и размеренно, как маленькой девочке, вытирает белой бумажной салфеткой сначала мою щеку... а затем и губы.

- Значит, собираешься замуж? - неожиданно звучит небрежный вопрос.

- Замуж? - повторяю растерянным эхом.

- Ну да. За отца своей дочери, как я понимаю.

- Тише! - бросаю тревожным шепотом. - Не хочу, чтобы Алиса...

- Она уже уснула, пока ты тут над своим куском пиццы медитировала.

Один взгляд через его крепкое плечо, и спящая малышка попадает в поле моего зрения. Она уютно устроила голову на мягком подлокотнике дивана и действительно дремлет, в обнимку с раскраской. И когда только успела?

- Все виды пиццы перепробовала, как и заявила, - со

смешком сообщает босс. - Целеустремленный человек. Налопалась, как хомяк... неудивительно, что вырубилась.

- Хорошо, - отстраняюсь от его руки с салфеткой и поднимаюсь с дивана. - Тогда я готова поработать с финансовыми документами, Василий Андреевич.

Он встаёт почти одновременно со мной, не спуская с меня глаз.

- Ты не ответила на вопрос... Алёна.

- А какое это имеет отношение к работе? - я упрямо не смотрю на него, отчаянно опасаясь снова нелепо покраснеть, как школьница.

Повисает крошечная пауза. Бояров чему-то усмехается.

- Хм... ты так сильно зациклена на работе, что меня, как твоего работодателя, это не может не радовать.

- Вы сами позвали меня на работу в выходные, - иронически парирую я. - А теперь удивляетесь моему намерению следовать рабочему этикету?

Пристальные серо-голубые глаза напротив меня сощуриваются, а лицо приобретает невозмутимо-отстраненное выражение, совсем непохожее на обычную его маску легкомысленности. Зато теперь босс гораздо больше напоминает того мальчишку, который прятал от меня когда-то свой неотрывный взгляд под длинным козырьком темно-зеленой бейсболки.

- Что ж, раз я позвал, а ты пришла, давай поработаем, - он кивком указывает в сторону своего стола. - Садись на мое

место и включай ноутбук.

- А где вы сами тогда..?

- Просто сделай это без лишних вопросов, - спокойно прерывает меня Бояров.

Повинуясь с чувством смутной настороженности.

Не знаю, как у других... но когда дело касается моего босса-шутника, то скачок его настроения от насмешливого к абсолютно ровному вызывает резонное беспокойство. Как будто интуиция так и шепчет настойчиво: не верь, не расслабляйся, это всего лишь затишье перед бурей!

Однако в ближайшие полчаса не происходит ничего такого, что оправдывало бы хоть как-то мои подозрительные предчувствия.

Бояров втыкает в разъем ноутбука свою личную флешку, поясняет, где и с какими документами надо работать, очень внятно и конструктивно обрисовывает ход ожидаемых от меня действий. Я внимательно слушаю его...

И впервые понимаю, насколько ошибочно то первое разгильдяйское впечатление, которое босс производит на неподготовленных людей.

Никакой он не разгильдяй, а опытный и продуманный бизнесмен, каких поискать. Но эта его маска обаятельного шута настолько гармонично слилась с жесткой цельной личностью в режиме нон-стоп, что постороннему человеку одну от другой очень сложно отделить. Разве что Бояров сам, добровольно ее снимет.

Как сейчас, например.

Эта мысль неожиданно действует на меня, словно глоток утреннего кофе - взбадривает и заставляет немного иначе оценить своего босса. Переосмыслить внешние маркеры его поведения...

И вдруг появляется такое жгучее желание посмотреть на него, что я не выдерживаю и украдкой скашиваю глаза в его сторону. Лицо при этом не поворачиваю - вроде как продолжаю лицезреть экран ноутбука.

Бояров совсем рядом, присел на край собственного стола и что-то быстро набивает на мобильной клавиатуре телефона. Сосредоточенный и серьезный, он почему-то кажется мне очень угрюмым, даже мрачным. Как будто увидел перед собой некую сложную проблему, которую никак не может решить.

Возможно, это связано с его делами. А возможно и... со мной.

Понять бы ещё, чего ждать от него самого. Потому что отношения «для приятного времяпровождения» мне без надобности! Это вообще единственное, в чем я уверена на все сто процентов. Кроме того, я терпеть не могу заниматься самообманом, и надо признать: Бояров очень волнует меня... будоражит мое тело и чувства так, как давно никто не будоражил, да ещё и заставляет ощущать себя по-настоящему живой и женственной. А то, как быстро он нашел общий язык с моей дочкой, только добавляет моим эмоциям отте-

нок какого-то сладкого томительного отчаяния...

Тихо вздыхаю и перевожу взгляд на часы в углу экрана.

Скорее бы это странное воскресенье со всеми его шокирующими сюрпризами подошло к концу. Мне надо остаться в одиночестве и хорошенько обо всем поразмыслить. Особенно о собственном слишком привлекательном и обаятельном боссе...

- Не терпится воссоединиться с женихом?

Голос Боярова врывается в мое сознание особенно резко из-за каких-то нехороших интонаций в нем.

- В смысле? - удивленно поворачиваюсь к нему.

- Ну, ты так выразительно на время поглядываешь и вздыхаешь, что других предположений у меня нет, - саркастически хмыкает он.

- Я просто... - начинаю смущенно объяснять и на мгновение запинаюсь. Не говорить же боссу, что размечталась именно о нем самом. - У меня просто занемела спина, и я подумала, не сделать ли перерыв. Размяться, например.

Он продолжает изучающе смотреть на меня сверху вниз, но выражение его глаз неуловимо меняется. Мрачная угрюмость отступает, а манящий серо-голубой блеск его глаз вспыхивает прежним весельем. Так... это у него что, только что был намек на ревность?

Внутри что-то сладко сжимается при этом предположении. А Бояров наклоняется ко мне.

- Алён, у меня есть средство получше.

- Не... не надо! - запинаясь, торопливо бормочу я и вжимаюсь в спинку кресла всем напрягшимся телом. - Я в курсе, какое у вас «средство»...

Ага, поцелуи, от которых почти напрочь отключается разум. Как тогда, в его внедорожнике.

- Это другое средство, - лукаво щурится босс. - То, о котором ты говоришь, было от хандры и страхов. А это - самое рекомендуемое медицинскими светилами даже детям.

- Да неужели? И что же это?

Всего одним движением Бояров вдруг оказывается у меня за спиной, и его теплое дыхание касается моего уха тихим вкрадчивым шепотом:

- Это массаж, Алёна... всего лишь невинный массаж.

А затем его руки накрывают мои плечи, словно два обжигающих клейма.

Глава 4. В руках босса

Чувствую, как от затылка до самой поясницы у меня пробегает тихая мелкая дрожь. Чтобы немедленно прервать неожиданное посягательство босса, мне достаточно просто раскрыть рот или вообще вскочить... но я никак не могу заставить себя сделать ни то, ни другое.

Сильные, настойчивые пальцы Боярова скользят по моим плечам, отодвигают выбившиеся из причёски локоны в сторону и поглаживают чувствительный затылок - там где линия волос переходит в шею. От мурашек удовольствия вся моя кожа становится гусиной.

- Расскажи, что именно тебя мучает... - шепот босса соблазняющей сладостной патокой так и льется в уши, а пальцы тем временем медленно двигаются вдоль позвоночника, разминая каждый миллиметр моей кожи. - Я могу снять твою боль, если ты доверишься мне...

Слова Боярова звучат так, будто речь идет не о физической боли в спине, а как минимум, о душевной... или сердечной. Ему бы в психологи с такими талантами!

Господи, как же унять эту дрожь? И вообще, надо просто отодвинуться, отстраниться... но тело, как назло, категорически отказывается это сделать, купаясь в ласке мужских прикосновений.

Слабость с тревожащей быстротой охватывает каждый

миллиметр, каждую клеточку изнемогающей плоти... и особенно концентрируется в животе и коленях. Это очень, очень беспокоит. Но еще больше меня ужасает томительная жажда покорно опустить ресницы... и застонать.

Кошмар!

Стискиваю зубы и на одном еле живом усилии воли напрягаю мышцы, чтобы подняться из-за стола и скинуть с себя слишком умелые руки Боярова...

Но тут умопомрачительно расслабляющий массаж мгновенно превращается в жесткую хватку на плечах.

- Куда убегаешь? Я еще не закончил, - губы босса почти касаются нежной мочки моего уха.

Чувствую, как и без того пылающее лицо накрывает новая волна взволнованного жара. Из всех сил сдерживаю сбившееся дыхание, чтобы не выдать своего состояния, но разве от пронизательного взгляда этого опытного бабника его возможно утаить? Уверена, он прекрасно осознает, как его «невинный массаж» действует на женщину! Тем более настолько избалованную мужским вниманием.

- Василий Андреевич... - я беспомощно сглатываю, всё еще отчаянно борясь со сладостной, невыносимо приятной реакцией на его прикосновения, и чувствую, что проигрываю, задыхаясь в ловушке этого тактильного безумства. - Перестаньте...

- М-м, - неопределенно откликается он, даже и не думая прекращать массаж. - Как всё запущено... Ну уж нет. Алён, у

тебя капитальная проблема с расслаблением. Но не переживай - я спасу тебя от нее. Прямо сейчас.

Теперь к слабости добавляется еще и острое чувство чисто женской паники. Многозначительно мурлыкающие интонации бояровского голоса буквально прямым текстом заявляют о его интимных намерениях.

Он что, в самом деле собирается... здесь...

Способность логически мыслить уже давно в отключке, и эмоции внушают мне стопроцентную уверенность в собственном выводе. Перепугавшись окончательно, что не сумею устоять перед бессовестным боссом, начинаю барахтаться в кресле куда увереннее...

И тогда Бояров останавливается. Только свободу мне не возвращает, а наоборот - разворачивает кресло-вертушку лицом к себе и замыкает ловушку, оперевшись руками по обе стороны от меня на подлокотники.

Замираю и жду его слов или действий, но он молчит. Просто смотрит - так внимательно и настойчиво, что я не выдерживаю взгляда и прикрываю глаза.

- У тебя еще и большие проблемы с доверием, - констатирует он наконец. - Ты испугалась меня.

- Да... - говорю сдавленно, а мысленно добавляю: *«... но себя я испугалась еще больше».*

- Не бойся, - вкрадчиво произносит Бояров. - Мы будем двигаться маленькими шагами. Я хочу, чтобы ты мне доверяла.

Осторожно кошусь исподлобья наверх.

Босс так и продолжает нависать надо мной, и предательский взгляд сам собой прямо-таки прилипает к четкому рисунку его красивых губ.

- Это не так-то легко, как вам кажется, - сообщаю мрачно и отворачиваюсь.

- Довериться мне? - переспрашивает Бояров. - Неужели?

В его голосе мне чудится улыбка. Проверяю быстрым подозрительным взглядом - так и есть, стоит с лукавой гримасой на лице.

- А разве нет?

- Да проще простого. Я тебя научу. Ну-ка, откатись немного назад.

Недоумеваю, но послушно отодвигаюсь от стола вместе с креслом. Бояров почему-то смотрит вниз, еле заметно морщится... а затем решительно усаживается прямо на пол к моим ногам!

- Э-э... - bleю в полнейшей растерянности, глядя на его темноволосую голову сверху вниз. - И что теперь?

Он усмехается, искоса поглядывая на меня.

- А теперь раздвинь колени.

- Ну, знаете!

- Совсем немного, чтобы тебе было удобно...

- Василий Андреевич!

- ... делать мне массаж.

Пока я осмысливаю его неожиданные слова, он использует-

ся моментом и непринужденно прислоняется спиной к моим коленям. От его напора они непроизвольно расходятся, и только в следующую секунду я осознаю, что сижу в невероятно смущающей позе.

Ноги широко раздвинуты, прямая деловая юбка натянута до предела... аж ни единой складочки на подоле не осталось.

Из этой позы невозможно просто так выбраться - разве что вытолкать Боярова подальше. Потому что он своими широкими плечами плотно зафиксировал меня в кресле, а для надежности еще и держит меня за щиколотки, нагло поглаживая их.

- Пожалуйста, встаньте, - прошу я в полном смятении. - Василий Андреевич...

- Спокойно, Алёнка. Вдохни и выдохни, - инструктирует меня с пола Бояров, удобно привалившись ко мне и креслу всей спиной. - Мы лечим тебя от тотального недоверия к своему любимому боссу. Просто представь, что никакого Василия Андреевича перед тобой нет.

- Не могу! Вы слишком близко.

- Можешь, можешь. Давай, закрой свои красивые глазки и вообрази, что у твоих ног сидит тигрёнок... хотя нет, для тигрёнка я слишком большой. Ну тогда, скажем... тигр. Твой ручной тигр по имени Вася.

- У меня воображение не настолько хорошее, - бурчу я, старательно ерзя, чтобы отодвинуться от Боярова как можно глубже в кресло.

- Ар-р-р! - он вдруг издает очень натуральное рычание, заставив меня вздрогнуть всем телом, а затем поворачивает голову и неожиданно прихватывает зубами кожу на моем колене. - А теперь?

- А теперь я ещё больше хочу уйти. Вы случайно не пили с утра?

- Нет, я в трезвом уме и твердой памяти. Зато шея уже затекла постоянно смотреть на тебя через плечо. Сделай одолжение своему начальству, разомни её.

Высказывая мне все это, Бояров совсем на меня не смотрит - возможно, у него и правда шея затекла. В это вполне верится, учитывая, что до всей этой чехарды с массажем мы почти час корпели над финансовыми документами, причем босс тоже занимался цифрами лично...

А вот я глаз от его темноволосого затылка не отрываю. И с каждым мгновением искушение прикоснуться, воспользовавшись внешним поводом, растёт чуть ли не в геометрической прогрессии. Аж пальцы зудеть начали от нестерпимого желания.

- Ну хорошо, - поддаюсь ему и облизываю пересохшие губы, радуясь, что он этого не видит. - Но при условии, что по этому поводу никаких шуточек больше я не услышу.

- Да запросто, - легко соглашается Бояров и внезапно вытягивает меня из кресла обратно на самый край, ухватив за колени. - И не уползай от меня, а то без твоих ножек сидеть на жестком полу совсем не так весело, как может показаться.

Кстати, чего ты ждешь? Приступай.

Молча кладу руки на его крепкие плечи. Разминать их начинаю сразу же, чтобы он не почувствовал, как подрагивают от волнения мои пальцы. Удержать дрожь не так-то легко... ведь одно лишь ощущение бугрящихся мышц под ладонями переполняет меня томительной слабостью.

- Тебе будет проще, если в процессе расскажешь мне что-нибудь, - небрежно предлагает Бояров. - Например, о чем-то смешном из своего детства... или о мальчиках, которые бегали за тобой в школе. Ведь бегали же? Ты симпатичная.

- Не припоминаю сейчас ничего смешного, - я начинаю работать руками усерднее, чтобы скрыть собственное смятение.

Мой босс-манипулятор высказал неплохое предложение, чтобы расслабиться. Но оно могло бы подействовать, только если бы я не узнала совсем недавно о нашей с ним связующей школьной ниточке.

- А как насчет мальчиков?

Ну и хитрец же он! Решил вывести меня на откровенность, да еще и массаж заставил делать.

- В школе я ни с кем не встречалась, - уклончиво отвечаю ему и усиленно барабаню ребром ладони по зоне между плечом и позвоночником. - Мальчишки в школе меня не очень интересовали.

Бояров аж непроизвольно вытягивается в спине и хмыкает.

- Хм... за старательность хвалю, но меня лучше не бить, а поглаживать, - комментирует он и, помедлив, продолжает: - То, что ни с кем в школе не встречалась, охотно верится. У тебя на лице написано, что ты была либо отличницей, либо хорошисткой, заикленной на учебе. Прилежно дождалась восемнадцати лет и восполнила пробел в студенчестве, значит?

- Ничего я специально не дожидалась и не восполняла. Просто повзрослела и переключилась на другие вещи.

- А отец этой феечки... - Бояров кивком указывает на крепко спящую Алису, - ...один из таких вещей? Интересно.

С ответом я медлю.

Вспоминать об отношениях с Красавиным мне совершенно не хочется... но с другой стороны это удачный шанс по-лучше узнать, что творится в голове у моего босса. Потому что зачастую вопросы, которые задают друг другу люди, характеризуют их гораздо точнее и надежнее, чем ответы. И уж однозначно выявляют более понятную картину того, что их на самом деле интересует.

Переиграть Боярова с его умением виртуозно жонглировать словами и смыслами сложно... но почему бы и не рискнуть?

В конце концов я ничего от этой попытки не теряю. Потому что не скажешь же ему откровенно: вот, мол, порылась в вашем столе, босс, нашла свои фотки и вспомнила, что однажды в школе вы вляпались из-за меня в неприятности. И

чего дальше?

Нет, понятно, конечно, что Бояров очень даже не прочь со мной переспать. Без обязательств, естественно. Но мне-то это зачем? Постельные радости - как самоцель? Да ну их нафиг! Особенно если под угрозой мое душевное спокойствие. Да и вообще после самоустранения Красавина и рождения дочки они уже давно для меня не в приоритете.

Тем временем мои руки продолжают скользить по шее Боярова. Пальцам щекотно от касания кончиков его волос на затылке... и эта щепотка словно обретает вторую жизнь легким трепетом в каждой клеточке моего тела, посылая по коже волны мурашек...

Внезапно меня пронзает такое острое желание ощутить на себе точно так же ласкающее прикосновение его пальцев к моей собственной шее, что я еле удерживаю порыв резко сомкнуть раздвинутые колени.

«Держись, не провоцируй его! - мысленно одергиваю себя. - Он же снова примется за свое..!»

- Я не планировала заводить отношения даже тогда. Просто так получилось, - осторожно говорю вслух и зеркалю его ответным вопросом: - А у вас? Кажется, ваше взросление складывалось повеселей, чем мое..?

Бояров тоже отвечает не сразу, а после паузы. И делает это как-то отрывисто, словно у него проблемы с дыханием:

- Тебе кажется.

Глава 5. Нежданчик

Продолжительная тишина, которая повисла между нами, напрягает меня. В ушах стоит мое собственное дыхание, а руки живут собственной жизнью, продолжая делать массаж. И кожа Боярова кажется горячей даже сквозь тонкую ткань его зеленой рубашки. Такое впечатление, что у него температура подскочила.

- Вообще-то это не мое дело, забудьте, - просто говорю я, не выдержав напряженного молчания.

Бояров качает головой и хмыкает:

- Ну почему же... всё честно. Я лезу не в свое дело, а ты не в свое, так что у нас вполне гармоничный разговор. И ты права, Алёна. Я рано повзрослел и узнал о взрослой стороне интимной жизни. А девчонками заинтересовался namно-о-ого раньше, чем ты - мальчишками. И быстро обнаружил, что изучать их... во всех отношениях довольно интересно и увлекательно. Девушки, женщины - все такие разные, особенные. И вместе с тем - похожи друг на друга, как две капли воды. Парадокс, да?

Он заявляет об этом таким ровным скучным голосом, что каким-то неизъяснимым образом я начинаю чувствовать себя наивной дурочкой.

И с чего вообще мне показалось, что Бояров как-то выделял меня в школе среди других девчонок? Ну следил, по-

думаешь. Может, это у него хобби такое было... обидно-исследовательское. И я была одной из многих. А мои фотки в столе - это просто что-то вроде досье, которое ему собрали, когда он узнал меня после первого инцидента на парковке.

- Вам виднее, - хмуро откликаюсь я. - Мне ни женщин, ни мужчин изучать как-то не приходило в голову.

- Понимаю, - смешок Боярова звучит бархатно-мягко и почему-то наводит меня на мысль о небрежном прикосновении тигриной лапы, скрывающей в своих подушечках втянутые когти. - Ты просто футболила всех поклонников направо и налево, так?

- Наверное, - вздыхаю натянуто. - Я уже не помню. Да и не было у меня никаких поклонников. Разве что только...

- Красавин Алексей, - невозмутимо подсказывает босс, когда я запинаюсь, и добавляет: - Я знаю многое о твоей жизни, Алёнка. Но не волнуйся, строгая ты моя, всё в рамках твоей должности. Личная помощница генерального директора должна быть для него чиста и прозрачна, как слеза невинного младенца. Согласна?

- Да, пожалуй.

- Не пожалуй, а точно, - поправляет меня Бояров и приваливается к моим ногам плотнее. - Пройдись еще раз между лопаток... да, именно так, умница... Так почему, говоришь, ты не отфутболила в свое время и Красавина? Втрескалась в него по уши, и он наглухо заслонил тебе лица других желающих?

Господи, и зачем только я позволила себя втянуть в этот разговор... Он будоражит во мне столько эмоций, что логический анализ собеседника в таких условиях просто невозможен!

- Он был очень настойчив, - отвечаю неохотно и морщусь. Интуиция с назойливым беспокойством сигнализирует, что на этих неудобных вопросах босс так просто не остановится.

И сейчас единственный вывод, который приходит мне в голову, напрямую связан с его недавним маленьким открытием.

Он изучает меня. Изучает, как временно заинтриговавший его объект, чтобы осознанно или неосознанно закрыть болезненный психологический гештальт юности!

Бояров вдруг оборачивается, и я ловлю на себе его взгляд - внимательный и наполненный какой-то тонкой эмоцией, которая дразнит и ускользает от моего понимания. То ли это затаенная насмешка, то ли мрачная ирония... а может, и сдержанный силой воли вопрос.

Господи, ну почему Бояров такой сложный? Поди пойми, что у него на уме, когда он так странно уставился на меня.

- Значит, для тебя всё решает настойчивость? - его губы трогает легкая улыбка. - Неужели другие были менее настойчивы, чем твой Красавин?

Не знаю, каким чудом, но выдержать его взгляд у меня получается. Правда, с некоторым трудом. И при этом о массаже мы забываем оба.

- Василий Андреевич... наш разговор меня напрягает, - с неохотной честностью сообщаю я, надеясь повлиять на здравый смысл босса. - Это слишком личное. Но если вам так интересно, то Красавин просто был первым, кто сумел проявить достаточно внимания, терпения и постоянства, пока не пробудил ответный интерес. А другие «настойчивые»... если и появлялись потом на горизонте, то это было слишком поздно. Их попытки стали лишними и бессмысленными.

Бояров смотрит на меня все так же вполоборота и снизу вверх... и мне кажется - вот-вот дырку просверлит. Еле сдерживаю желание поёжиться.

- Почему?

- Что - почему?

- Почему ты вычеркнула других мужчин из своей жизни? Мне реально интересно.

Странно... он действительно не понимает или притворяется?

- Я не сторонница измен или легких интрижек, - говорю просто и добавляю: - Может, вернемся к работе?

- Ну уж нет, - хмыкает Бояров и, тем не менее, тут же поднимается на ноги. - Перерыв еще не окончен, да и почти всю работу мы сделали, осталось только еще разок проверить и подписать. Но перед этим я хочу провести еще одну проверку. Тоже важную.

Я непонимающе сдвигаю брови.

- Какую проверку?

- Проверку на настойчивость, - любезно поясняет Бояров и, ухватив меня за руку, ловким движением притягивает к себе.

Я даже опомниться не успеваю.

По инерции впечатываюсь в его грудь и чувствую, как он придерживает меня за спину, чтобы я не успела отстраниться.

- Расслабься, - соблазнительно шепчут его губы, едва касаясь моего виска дыханием. - Мы всего лишь проверяем смысловые рамки настойчивости. В этом нет ничего плохого.

Я стою, уткнувшись лицом в воротник его зеленой рубашки и вдыхаю еле уловимый, но безумно волнующий аромат его мужского запаха, смешанного с нотками дорогого парфюма. Это дурман в чистом виде, аж голова кружится. Чувствую, как сильно, учащенно бьется в груди сердце... и не могу понять, у меня это или у него. Колени дрожат.

- Вы... - горло перехватывает спазм волнения, и приходится судорожно сглотнуть, чтобы продолжить: - Вы опять нарушаете свое обещание не трогать меня без моей инициативы.

Бояров легонько поглаживает мою поясницу и с ошутимой улыбкой в голосе откликается:

- Не привередничай, Алёнка. Давай за инициативу засчитаем твой массаж, который ты мне только что делала добровольно. Если бы была против, сразу бы оттолкнула... не так ли?

- Я против, - тут же сообщаю слабым голосом и заставляю себя протестующе толкнуть босса в грудь. - Вы переходите границы!

- Ну что ты, я даже и не начинал еще переходить... в неподходящем для этого дела месте, - Бояров доверительно бодает меня носом в щеку, и от этого движения по моей спине пробегают сладкая молния неясного предвкушения. - Но раз меня уже обвинили, чувство справедливости требует подкрепить обвинение действием.

- Не надо! - пытаюсь сказать уверенно и твердо, но мои интонации, наоборот, звучат возмутительно томно, даже провокационно. И Бояров сразу же это подмечает.

- Не убедила, - он вдруг приподнимает меня за талию и усаживает прямо на свой стол. - Даю тебе еще один шанс на протест. Время пошло.

Говоря это, босс с демонстративной медлительностью наклоняется ко мне, позволяя проявить любую реакцию... а я инстинктивно отклоняюсь назад, хотя смутно осознаю, что делаю что-то не то. Близость Боярова заставляет меня глупеть до такой степени, что мозгу остается только отчаянно буксовать в попытке нащупать правильную линию поведения.

Вот только тело-то в это время успевает совершить на инстинктах множество ошибок!

В голове беспокойным набатом бьется смутная мысль, что ни в коем случае нельзя позволять ничего лишнего. Потому

что босс из того типа мужчин, которым только дай палец, так они всю руку по самый локоть захватят. Но опомниться никак не получается. Я даже не успеваю осознать катастрофу, когда отклоняюсь назад до такой степени, что теряю равновесие и падаю спиной на стол в прямом смысле.

- Ой..!

Из груди вырывается испуганный выдох в ожидании удара затылком... но сильные руки Боярова мгновенно удерживают меня за плечи и превращают падение в мягкий наклон.

- Поймал, - интимным шепотом сообщает он.

Лежу на столе. Смотрю широко раскрытыми глазами в лицо нависающего сверху Боярова. То, что я допустила такую идиотскую и опасную ситуацию с ним, в голове не укладывается.

Растерянно открываю рот, чтобы сказать... а что, кстати? «Слезьте с меня» или «Спасибо, что не дали удариться»?

В груди бурлит целый коктейль противоречивых эмоций: стыд, волнение, возбуждение, страх... Как, ну как перестать тупить в состоянии такого внутреннего раздрая?!

Меня спасает громкое жужжание вибрирующего мобильного на столе. В нашей опасной паузе Бояров цепко вглядывается в мои глаза и входящий вызов игнорирует, так что в итоге включается голосовая почта. Причем у босса она работает в режиме автоответчика.

- Вася, ты занят? - спрашивает женский голос с капризным разочарованием.

Я узнаю в этих интонациях ту самую инспекторшу из налоговой - «Елену Прекрасную», которая бегала к Боярову с документами, словно простая курьерша...

И которая потом оказалась на его столе.

Прямо как я сейчас.

Блин...

Глава 6. Елена Прекрасная

- Ты говорил, что будешь сегодня на работе, - томно продолжает инспекторша Елена, - а я как раз проезжала мимо... и подумала, раз уж мы все равно оба приглашены на вечеринку по случаю неожиданной свадьбы Царевичева, то почему бы нам не поехать вместе? Я такси уже отпустила, стою тут на крылечке одна-одинешенька! И дождь собирается, а я совсем без зонтика и легко одета... Ты ведь выручишь девушку в сложной ситуации, милый?

И она издает мелодично-кокетливый смешок, от которого меня передергивает аж всем телом.

Отталкиваю от себя босса с невесть откуда взявшейся силой и спрыгиваю с проклятого стола, который прямо сейчас внушает мне самое настоящее отвращение.

- Алён, подожди, - посмурневший Бояров ловит мое запястье, но я отдергиваю руку раньше, чем он успевает зафиксировать ее захватом покрепче. - Сейчас я вызову ей другое такси.

Я медленно цежу сквозь зубы воздух, стараясь успокоить дыхание, потом расправляю плечи.

- Не надо, Василий Андреевич. Лучше... выручите свою девушку из «сложной ситуации». Мне всё равно уже пора домой... вон и дочка уже просыпается.

Алиса и в самом деле уже потягивается на кожаном ди-

ване и сладко зевает. Наверное, пронзительно-звонкий голос инспекторши из динамика телефона ее разбудил. И это к лучшему. Подумать только, я почти позволила боссу разложить себя на столе и совершенно забыла о том, что мы не одни!

При мысли об этом становится совсем тошно.

Я отворачиваюсь в сторону с одним желанием - чтобы Бояров испарился с глаз долой. И хорошо бы еще, чтоб из сердца тоже вон... а то чувствую - зацепил ведь крепко, бабник!

- Так. Ну-ка, посмотри на меня.

Он снова оказывается близко, мучительно близко. Даже жар его тела сквозь одежду ощущаю. Посерьезневший голос Боярова действует на меня гораздо сильнее, чем его насмешливый вариант, и осознание этого напрягает до тоскливого отчаяния.

Надеясь скрыть свое состояние, начинаю размеренно собирать в стопочку распечатки документов на столе.

- Я собираюсь домой!

- А я не отстану, пока одна упрямая Гюльчатай не покажет мне свое личико, - хмыкает он. - И пусть та девушка с ситуацией... кстати, она не моя девушка, чтоб ты знала... тебя не волнует.

От дальнейшего препирания меня буквально спасает Алиса, шустро усевшаяся на диване и уставившаяся на моего босса большими заинтересованными глазами.

- Какая девушка?

- Девушка как девушка, - чувствую, как давящий взгляд ослабевает. - Точнее, женщина. Обычная она. Очень любит внимание и деньги. Местами избалованная, местами ленивая... не то, что ты, феечка! Ты же не ленивая?

- Нет, - хихикает Алиса. - Я энейгишная! Мама говоит, у меня много энейгии...

- Супер, - с энтузиазмом одобряет Бояров. - Тогда включай ее и беги вон в ту маленькую комнатку, чтобы умыть личико. Только чур не халтурить!

Как только моя дочка с готовностью скрывается за дверью начальственного санузла, я ускоряю сбор последних распечаток и выставляю их охапку перед собой, как щит против подошедшего босса.

- Если хотите, могу еще раз проверить весь финансовый отчет, но только дома. Бабушка уже наверняка вернулась, присмотрит за Алисой, чтобы она меня не отвлекала.

Некоторое время Бояров изучающе разглядывает воинственное выражение моего лица. А затем, помедлив, вдруг соглашается вопреки своим прежним заявлениям о конфиденциальности документов:

- Ладно. Но к вечеру моя личная помощница с документами понадобится мне в ресторанном комплексе «Дворец». Успеешь?

- Успею.

На улице у парадного входа ожидаемо пасется хорошенькая инспекторша Елена. Сначала она встречает появление

Боярова зазывной улыбкой... но затем при виде меня и малышки сердито сдвигает тонкие брови.

- Василий Андреевич, вы сейчас спешите? - с отчетливой неохотой в голосе переходит она на официально выкающее обращение. - Мне казалось, что при последней нашей встрече мы хорошо поняли друг друга...

Бояров галантно придерживает передо мной дверь и, пока мы с дочкой выходим, отвечает инспекторше по обыкновению в своей дружелюбно-шутливой манере:

- Елена Владимировна, обстоятельства штука переменчивая и в большинстве случаев прощительная! Именно поэтому я так редко даю обещания что-то сделать или куда-то пойти. А вы случайно чтением мыслей не владеете? А то угадали с ходу - еще как спешу. И потрясен вашими ментальными суперспособностями.

Елена хмурится еще сильнее, и ее ревнивый взгляд то и дело прыгает от босса ко мне.

- Но вы же говорили, что собираетесь сегодня на выставку «Новые горизонты хоррора» в частную арт-галерею! А потом на свадебную вечеринку Царевичева... Я как раз туда приглашена. Кстати, наш главный налоговый тоже будет там, а он, если вы помните, очень упертый тип в вопросах некоторых неудобных моментов вашей налоговой истории. Но лично я с ним в прекрасных отношениях и могу активно поспособствовать вашему взаимопониманию, Василий Андреевич... - она наклоняет голову с идеальной укладкой волос

набок и многозначительно добавляет: - Почему бы нам не совместить все планы к нашему обоюдному... удовольствию?

Повисшая в воздухе крошечная пауза после этого откровенного намека не ускользает от моего внимания. Бросаю осторожный взгляд через плечо на Боярова - тот продолжает стоять с беспечно-небрежным видом, но каким-то внутренним чутьем я улавливаю его раздражение.

Ну еще бы. Кому понравится настолько откровенная попытка манипулировать им?

- У меня есть более важные дела, Елена Владимировна, - его приятный низкий голос теряет шутливую легкость и звучит как-то иначе. Прохладно и отстраненно, словно эхо в холодном колодце.

- Вы уверены? - назойливо уточняет инспекторша. - В другой раз вам может и не представиться такой редкий случай наладить с нашим начальством отношения...

Громкий шорох гравия под колесами сворачивающей к нам машины заставляет всех нас дружно повернуть головы в ее сторону. Это желтая иномарка классических очертаний и с меткой черных шашечек.

- Такси? - удивленно таращится на нее Елена. - Но я не вызывала...

- Я вызвал, - насмешливо поясняет Бояров. - Хотел выручить девушку из сложной ситуации, как она того и просила.

Смотрю на побагровевшее лицо инспекторши и понимаю: если босс сейчас унизит эту капризную, избалованную соб-

ственными полномочиями дамочку и вежливо отправит во-
свояси на иномарке с шашечками, то у нашей конторы вполне
не могут появиться проблемы. И кто знает, насколько серьезные,
если она так нахально намекнула при мне на сомнительное
бизнес-прошлое моего босса?

И, словно озвучивая мои опасения, Елена ядовито начинает:

- Не ожидала, что...

- Большое спасибо вам, Василий Андреевич, - неожиданно для себя вмешиваюсь я. - На такси мне с дочкой будет
гораздо быстрее и удобнее добраться до дома... и закончить
работу. А к вечеру я подвезу документы во «Дворец». Как
вы мне и сказали.

Бояров выслушивает эту сбивчивую речь со странным
задумчивым прищуром. А инспекторша переваривает мои
слова с озадаченным видом кошки, которая собиралась про-
ехаться когтями по-живому, а поймала только воздух.

- Думаю, нам с тобой придется в ближайшее время хоро-
шенько поработать еще над двумя штуками, - уведомляет он
меня вдруг проникновенно.

- Какими штуками? - растерянно моргаю я.

- Во-первых, над твоей самооценкой... она никуда не го-
дится, будем повышать. А во-вторых, надо основательно
прокачать твою уверенность в крутости, могучести и безгра-
ничной наилучшести твоего классного начальства... то есть
меня, - следует обескураживающе будничный «скромный»

ответ.

Понятия не имею, как отвечать на этот уже традиционный бояровский стёб в присутствии инспекторши. Она и без того чует подвох - вон как зыркает подозрительно и недовольно, а тут еще и босс поддает жару своими шуточками.

Поэтому я беру себя в руки и просто киваю с фальшиво-безмятежной покорностью.

- Как скажете, Василий Андреевич! Прокачивать так прокачивать. До свидания.

И поспешно ныряю вместе с дочкой в салон остановившегося возле нас такси.

- Какой адрес? - оборачивается водитель.

Я называю и тянусь к ручке, чтобы захлопнуть за собой дверцу автомобиля... но в последний момент останавливаюсь - за окошком маячит склонившаяся инспекторша.

В ответ на мой вопросительный взгляд она растягивает губы в холодной ядовитой улыбке.

- Можете не особо спешить с документами. Я найду чем занять Василия Андреевича.

Глава 7. Суета и беспокойство

Нетерпеливое сообщение от Боярова с требованием потопрапливаться приходит раньше, чем я ожидала.

«Алёна, не испытывай мое терпение, - с насмешливой угрозой вещают лаконичные черные буквы на экране телефона. - Оно у меня далеко не ангельское. Если ты не появишься с документами через час в ресторанном комплексе «Дворец», то я лично за тобой приеду. И накажу. С большим удовольствием.»

При чтении последней фразы мое сердце ёкает в груди... а затем по всему телу разливается сладкое жаркое тепло. Как будто вместо слова «накажу» Бояров сказал «поглажу».

А я ведь и правда специально время тянула, уже дважды перепроверив все цифры финансового отчета. В мыслях постоянно и навязчиво, словно заевшая пластинка, крутилось самоуверенное обещание ревнивой красотки-инспекторши... и от него никак удавалось избавиться. А самое досадное - оно меня расстраивало до болезненного состояния смутной, зудящей тоски по несбывшемуся. Как будто Бояров пообещал мне что-то, поманил тонким ароматом соблазна, а потом захлопнул дверь в свою жизнь перед самым моим носом.

Мою нервозность, с которой я собираюсь на свадебную вечеринку Царевичева, бабушка понимает по-своему.

- Ты не переживай, Алёнушка, - говорит она. Я с Лисёнком посижу. Только не задерживайся допоздна, а то у меня давление перед сном в последнее время скачет... мало ли что.

Ее слова мгновенно переключают мое состояние тоскливой нервозности на острое беспокойство.

- Ты как себя чувствуешь вообще, бабуль? Может, мне остаться?

- Да нормально всё, иди-иди, - суетливо машет она рукой.
- Ляпнула просто, не бери в голову.

Я с сомнением изучаю ее морщинистое лицо. Вроде нормально выглядит, как обычно. Но тревожность не отпускает. Машинально киваю бабушке, а сама иду в комнату к Ваньке, который лежит на диване, водрузив загипсованную ногу на подлокотник, и смотрит какую-то спортивную передачу по телевизору.

- Вань! - шипящим шепотом окликаю его с самого порога и тут же прикрываю за собой дверь.

Братишка недовольно приглушает пультом голос спортивного комментатора.

- Чего тебе?

- Присмотри за бабулей, пока меня не будет. Незаметно. Что-то меня ее разговоры про давление напрягают... Если что не так - сразу мне звони. А я пока сметаюсь в ресторанный комплекс с документами.

Ванька серьезнеет на глазах и даже по-солдатски выпрямляется, хотя сделать это, лежа на диване, не так-то легко. Но

когда дело касается бабушкиного здоровья, то мы оба всегда, не сговариваясь даже, предпочитаем лишний раз перестраховаться.

- Понял! - он кивает и даже пытается смягчить мое беспокойство неожиданной шуточкой: - Будет сделано, капитан Алёнушка!

Блин, это он своего нового идола Боярова, что ли, копирует?

Молча закатываю глаза и отправляюсь на выход.

Во дворе перед нашим подъездом выгуливает свою любимую белую болонку на поводке соседка с первого этажа - моя бывшая учительница литературы и главная сплетница нашего района. В спешке я едва не врезаюсь в нее.

- Здрасьте... извините! - пыхчу я, сдувая с лица прядь растрепавшихся волос, и на ходу успеваю вильнуть в сторону, чтобы продолжить путь к остановке общественного транспорта.

- Алёночка! - откликается она меня. - Я тут вспомнила кое-что важное насчет тебя и закадычного дружка Котова, про которого ты давеча спрашивала...

Краем глаза замечаю, что к нашей остановке вырывается желтая круглофарая «морда» моего троллейбуса, и прибавляю ходу.

- Простите, Роза Соломоновна! Очень спешу!

Успеваю заскочить точнехонько в закрывающиеся автоматические двери в самый последний момент и только затем

перевожу сбившееся дыхание. Слова, брошенные мне в спину старенькой учительницей, доходят до сознания с опозданием.

Вот досада-то! Что же такого важного Роза Соломоновна хотела сообщить про «дружка Котова» - Василия Боярова? Теперь это узнать можно будет не раньше завтрашнего дня. Только бы не забыть!

На всякий случай устанавливаю себе в телефоне электронный будильник-напоминалку с пометкой «Соломоновна». Так надежнее.

В ресторанный комплекс «Дворец» я прибываю через четверть часа. Плюс еще пять минут объясняюсь с управляющим Олегом Даниловичем о цели моего прибытия. Но стоит ему услышать фамилию босса, как он сразу преображается из высокомерного сноба-цербера в почтительного служащего и уточняет с подчеркнуто уважительной вежливостью:

- Алёна Игоревна? Клёнова?

- Да, - киваю с облегчением.

- Вас ждут. Я провожу.

Я проникаю на праздник чужой жизни тихо и робко, словно привидение. Протискиваюсь в дверь и стою возле стенки, разглядывая шикарные вип-ложи и фуршетные столы, которые подавляют меня своим великолепием.

Свадебная вечеринка одного из боссов корпорации «Сэ-вэн» в самом разгаре - это сразу ощущается по великолепной акустике развлекательно-лирического выступления, которое

только что началось в честь новобрачных: очаровательной темноволосой девушки Кати в небесно-голубом платье и медового шатена Царевичева.

Большая часть гостей собралась вокруг сцены, под которую приспособили часть головокруглительно-прозрачной террасы из бирюзового стекла, стали и хрома. Восхитительное зрелище получилось! А звуки красивейшей фолк-баллады и голоса седого красавца-певца - почему-то с больничной повязкой на голове, - так очаровывают, что на несколько минут я забываю, зачем сюда явилась...

Ровно до того момента, как интимно-мурлыкающий голос подкравшегося Боярова произносит мне прямо в ухо:

- Алёна Игоревна, вы опоздали. Придется штраф отрабатывать.

Глава 8. Страсти по боссу

От ласки его горячего шепота по моей шее бегут мурашки. На какое-то мгновение у меня появляется непроизвольно-безумный порыв закрыть глаза и повернуть голову - совсем немножко! - чтобы его губы скользнули по моей щеке...

Но усилием воли я обуздываю опасный соблазн и, не глядя на Боярова, интересуюсь ровным тоном:

- Надеюсь, вы пошутили?

- Надейся, - усмехается он и вдруг хозяйски властным жестом поворачивает мое лицо к себе за подбородок. - Я слишком долго тебя ждал, чтобы так легко простить.

Интонации у него в голосе какие-то необычные. Двусмысленные, что ли. Как будто речь идет вовсе не о моем опоздании, а совсем о другом - давнем, болезненном вопросе... нашего полузабытого прошлого.

Интересно, когда-нибудь он хоть намекнет, что знал меня в далеком детстве? Или так и будет молчать по какой-то одному ему известной причине? Кто знает, может, ему так неприятно вспоминать о моем непредумышленном бойкоте, что теперь он считает меня человеком, абсолютно недостойным его личного доверия...

И это, как ни крути, обидно. Очень обидно.

- Не знала, что вы такой злопамятный, - неожиданно вырывается у меня то, чего я совершенно не собиралась гово-

ритель.

Подмечаю, как в ярких серо-голубых глазах Боярова вспыхивает какое-то острое, сильное чувство. Но интерпретировать его у меня никак не получается.

Мужские пальцы на подбородке сжимаются чуть сильнее, заставляя меня разомкнуть губы, и жар пристального внимания босса устремляется на мой рот.

- Да, у меня очень хорошая память, - тихо подтверждает он без улыбки и добавляет, пристально вглядываясь мне в лицо: - Зло, равнодушие, добро - неважно, что, - я всё помню. Всё подмечаю и анализирую. И мне без разницы, прошло ли с того времени всего несколько часов... или несколько лет. Семь, например. Или четыре. А может, и все двенадцать.

Осознание смысла его слов окатывает меня волной беспокойства и смятения. Бояров сказал - двенадцать лет! Ровно столько, сколько прошло с момента гибели моих родителей и школьного скандала. А это значит, что он, будто мысли мои прочитав, впервые позволил себе почти прямой намек на те события...

Вот только кое-что смущает еще больше.

К чему было отчетливо многозначительное замечание насчет четырех и семи лет?

Не припоминаю, чтобы мы с ним пересекались, когда мне исполнилось восемнадцать. В ту пору я начала встречаться с Красавиным, и мой бывший дико ревновал меня ко всем... Так что я из глупой влюбленности предусмотрительно огра-

ничила свое общение с противоположным полом до минимума.

А что примечательного было четыре года назад?

У меня-то понятно что - беременность. А незадолго до этого был очень неприятный период с повзрослевшими членами той самой районной шайки, которая не давала мне проходу в школьные годы. Почти все они в итоге после школы оказались на зоне по самым разным причинам... но трое в тот год как раз отсидели, вышли из тюрьмы и принялись за старое персональное развлечение - только уже не стали ограничиваться простыми насмешками, а перешли на откровенные домогательства. Но, к счастью, Красавин тогда проявил себя на удивление настоящим мужчиной и сумел дать им отпор...

И это был единственный случай, когда его действия вызвали у меня реальное чувство защищенности и надежности рядом с ним.

Большой палец Боярова бережно касается моей нижней губы в легкой откровенной ласке, так что я непроизвольно вспыхиваю от горячего смущения. И всё же не могу никак заставить себя отстраниться от его руки или как-то возмутиться подобным обращением.

Зато выражение его глаз вдруг стремительно теплеет.

- Но у меня есть один плюс, Алёна... - он награждает меня быстрой белозубой усмешкой. - Я человек отходчивый. И со мной очень легко поладить... тем, кто мне небезразличен.

«А я вам до сих пор небезразлична?» - так и хочется его

спросить без обиняков, и я даже открываю рот, но в наш фактически интимный разговор вмешивается третье лицо.

- Василий Андреевич, - ядовито окликает Боярова инспекторша Елена, прожигая нас ревнивым взглядом, - мой начальник жаждет пообщаться с вами. Вам это всё еще интересно, надеюсь?

Он с видимым сожалением отступает от меня на один шаг и убирает руку.

- Интересно, Леночка, мне всё еще интересно, - соглашается небрежно, потом зачем-то говорит мне: - Что ж, делу время, а лирике, увы, только час, Алёна Игоревна. Доставай наши документы и топай за мной.

Инспекторша Елена ловко опережает меня и оттесняет в сторону, заставляя идти позади них двоих, а не рядом. Слышу, как она недовольно бубнит вполголоса, обращаясь к босу:

- Ее присутствие обязательно? Я могу взять ваши бумаги и помочь вам...

Повисает короткая пауза. Чувствую, как Бояров искоса смотрит на меня, не поворачивая головы, а затем небрежно отвечает:

- Ну конечно, обязательно. Потому что Алёна, можно сказать, моя правая рука, а это значит, что без нее я как без рук... м-м, пошлоовато звучит, да? Словом, помощница она мне... самая незаменимая и самая любимая.

В последней его фразе звучит ласковая ирония, которая

по какой-то неведомой причине остро, даже болезненно меня задевает.

Блин, это просто... просто невыносимо!

Как же мне хочется всё прояснить между нами, поговорить по душам, откровенно... Но как это можно сделать безбоязненно? Ведь мой сталкер-проводатор в зеленой бейсболке давно вырос и стал моим боссом!

Ну почему, почему он молчит до сих пор о нашем прошлом и даже не желает объясниться?! Да он прямо ребус какой-то! Ходяче-загадочный...

- Как там феечка из страны чудес? - слышу необычный вопрос, и вынырываю из собственных мыслей.

Бояров идет задом наперед, безмятежно улыбаясь сквозь свою неизменную маску шутовской беспечности. Но я чувствую всей своей женской интуицией, что ему действительно интересен ответ на вопрос.

- Всё хорошо, - отвечаю коротко. - Алиса дома, с бабушкой и Ванькой.

- Она поразительно похожа на тебя. Один взгляд, одна повадка и масть. Прикольная девчонка вырастет.

Я с сомнением пожимаю плечами.

Нас и с Красавиным-то иной раз путали из-за похожего типажа внешности, интересуясь, не родственники ли мы. А тут общий ребенок. Сложно сказать, от кого и что Лисёнку досталось.

- А вот и Геннадий Алексеевич! - пронзительно напряжен-

ным голосом вмешивается Елена.

И только тогда Бояров разворачивает корпус обратно, принимая нормальную для ходьбы позу. Волей-неволей вызывавший во мне материнский инстинкт одобрительно мурлычет из подсознания... и на какое-то мгновение я чувствую себя беспомощно счастливой от того, что Боярову понравилась моя дочка.

Как будто это имеет какое-то важное значение...

Как будто от его оценки зависит, светит ли мне когда-нибудь создать полноценную счастливую семью...

Как будто я в него... влюблена. По уши.

Чтоб тебя, Бояров!

Почему ты начал проникновение в мою личную жизнь так поздно? Почему не сделал этого раньше, если я тебе так нравилась когда-то?!

Из груди вырывается тяжелый вздох.

Грустно следую по пятам за боссом и его ревнивой подружкой-инспекторшей, гадая о том, чего ждать теперь от жизни, и едва успеваю затормозить, когда они останавливаются возле вип-ниши с изумительно красивым видом на городской парк и длинным овальным столом в окружении удобных кожаных диванов цвета индиго.

- Василий Андреевич, добрый вечер, - доносится до меня старчески сиплый голос. - Интересный вы человек, давненько такие мне не встречались! Не думал, что с вами будет чертовски трудно встретиться даже начальнику налоговой ин-

спекции. И что же мне с вами делать..? Может, отложить переговоры до лучших времен и взбаламутить вашу контору внеочередной проверкой?

- Нет, Геннадий Алексеевич, - отвечает босс с обычной своей кривоватой обаятельной усмешкой. - Меня лучше понять и простить. Потому что во всем виновата невероятная любовь... - он небрежно тыкает пальцем в мою сторону, заставив изумленно замереть, и добавляет: - Любовь вот этой очаровательной особы к опозданиям.

Мои щеки вспыхивают, а пожилой мужчина из налоговой инспекции ухмыляется. Наверняка он понял слова Боярова как-то по-своему, в меру своей испорченности.

- Понять и простить, значит, - повторяет он, посмеиваясь, и поворачивает голову к своему соседу за столиком. - Что скажешь, Марат Евгеньевич? Ты у нас в городе, считай, единственный наследник мэра, твое слово уже большая ценность. Готов прислушаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.